

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-420-442>

<https://elibrary.ru/VJOEEC>

УДК 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

СЛОВЕСНОСТЬ И Т. Д. К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ ДМИТРИЕВНЫ ВЕНЕДИКТОВОЙ

Аннотация: Рубрика «Памятная дата», подготовленная А.А. Зубовым, Н.К. Полосиной и А.В. Швеца, посвящена юбилею Татьяны Дмитриевны Венедиктовой — доктора филологических наук, профессора, одного из ведущих отечественных американистов, основателя и заведующего кафедрой общей теории словесности (дискурса и коммуникации) на филологическом факультете Московского университета, члена редколлегии журнала «Литература двух Америк». Подборка включает отклики коллег, друзей и учеников — П.В. Балдицына, Ю.Б. Идлис, М.С. Макеева, Г.М. Кружкова, в которых они вспоминают об опыте работы и общения с Татьяной Дмитриевной, участия в совместных проектах — в числе прочего упоминаются написанные ей главы о поэзии в академической «Истории литературы США» (1997–2013), издание американских поэтов в серии «Литературные памятники», ее работа как исследователя, преподавателя, переводчика, публикатора, организатора науки. Два материала — А.А. Аствацатурова и С.Н. Зенкина — посвящены монографии Т.Д. Венедиктовой ««Разговор по-американски»: дискурс торгова в литературной традиции США» (2003), которой в этом году исполняется 20 лет; в этих заметках обсуждается значение книги в контексте 2000-х и то, как читается книга сегодня, насколько ее идеи востребованы. Юбилейное приношение — это подарок Татьяне Дмитриевне Венедиктовой, выражение благодарности, любви и уважения профессионального сообщества и признание ее ценного и многогранного вклада в отечественную и мировую американистику.

Ключевые слова: Т.Д. Венедиктова, юбилей, американистика, история и теория литературы, перевод, публикации, преподавание, профессиональное сообщество.

Информация об авторах:

Андрей Алексеевич Аствацатуров, кандидат филологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой междисциплинарных исследований в области языков и литературы, и.о. декана факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Галерная ул., д. 58–60, 190000 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0682-513X>. E-mail: astvatsa@yandex.ru.

-
- Павел Вячеславович Балдицын, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики, факультет журналистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, с. 1, 125009 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-4965-7133>. E-mail: PBalditsyn@gmail.com.
- Сергей Николаевич Зенкин, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125047 г. Москва; профессор, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, наб. канала Грибоедова, 123, 190068 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0114-0588>. E-mail sergezenkine@hotmail.ru.
- Артем Александрович Зубов, кандидат филологических наук, преподаватель, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8566-9517>. E-mail: artem_zubov@mail.ru.
- Юлия Борисовна Идлис, кандидат филологических наук, сценаристка, писательница; приглашённый лектор, Балтийская школа кино и медиа (BFM) Таллиннского университета, Нарвское шоссе, 27, 10120 г. Таллин, Эстония. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-7967-9479>. E-mail: jidlis@gmail.com.
- Григорий Михайлович Кружков, кандидат филологических наук, переводчик, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125047 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-5913-4204>. E-mail: gkruzhkov@gmail.com.
- Михаил Сергеевич Макеев, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5798-6892>. E-mail: mmakeev@icloud.com.
- Наталья Кирилловна Полосина, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-6165-888X>. E-mail: NETalie@yandex.ru.
- Анна Валерьевна Швец, кандидат филологических наук, преподаватель, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-2511>. E-mail: ananke2009@mail.ru.
- Для цитирования:** Аствацатуров А.А., Балдицын П.В., Зенкин С.Н., Зубов А.А., Идлис Ю.Б., Кружков Г.М., Макеев М.С., Полосина Н.К., Швец А.В. Словесность и Т. Д. К юбилею Татьяны Дмитриевны Венедиктовой // Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 420–442. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-420-442>.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-420-442>

<https://elibrary.ru/VJOEEC>

UDC 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

VERBAL ART & TD: TATIANA VENEDIKTOVA ANNIVERSARY

Abstract: The anniversary collection of essays compiled and edited by Nataliia Polosina, Anna Shvets and Artem Zubov pays tribute to Tatiana Venediktova — Doctor of Philology, professor of American studies, founder and chair of the Department of Discourse and Communication studies at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow University, member of the *LoA* editorial board. Her colleagues, friends and students contributed to the collection. Pavel Balditsyn, Julia Idris, Mikhail Makeev, Grigoriy Kruzhkov recall the experience of cooperating with Tatiana Venediktova and working on major joint projects like the *History of Literature of the United States* (1997–2013) and editions of American poets in the academic book series “Literturnye Pamiatniki”. They focus on her work as a researcher, teacher, translator, publisher, academic administrator. The essays by Andrey Astvatsurov and Sergei Zenkin commemorate the 20th anniversary of her seminal book *Conversation in American: Discourse of Bargaining in the American Literary Tradition* (2003). They reflect upon the impact the book had in the Russian academia back in the 2000s and its relevance for the humanities scholarship in the 2020s. The anniversary collection is a symbol of gratitude, love and respect towards Tatiana Venediktova, a recognition of her valuable contribution to the American studies and humanities in general in Russia and beyond.

Keywords: Tatiana D. Venediktova, anniversary, tribute, American studies, history and theory of literature, translation, teaching, academic community.

Information about the authors:

Andrey A. Astvatsurov, PhD, Dean of the Faculty of Liberal Arts and Sciences, Chair Professor of the Department of Interdisciplinary Studies in the Field of Languages and Literature, Saint Petersburg State University, 58–60 Galernaya str., 190000 Saint Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0682-513X>. E-mail: astvatsa@yandex.ru.

Pavel V. Balditsyn, Doctor Hab. in Philology, Chair Professor, Department of Media Linguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9/1 Mokhovaya str., 125009 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-4965-7133>. E-mail: PBalditsyn@gmail.com.

Sergei N. Zenkin, Doctor Hab. in Philology, Head Research Fellow, Russian State University of Humanities, Miuskskaia sq. 6, 125047 Moscow; Professor, National Research University Higher School of Economics, Naberezhnaya Kanala Griboedova 123, 190068 Saint Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0114-0588>. E-mail: sergezenkine@hotmail.ru.

Artem A. Zubov, PhD in Philology, Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gori, 1/51, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8566-9517>. E-mail: artem_zubov@mail.ru.

Julia B. Idlis, PhD in Philology, Writer, Screenwriter, Guest Lecturer, Baltic Film, Media and Arts School, Tallinn University, Narva mnt 27, 10120 Tallinn, Estonia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-7967-9479>. E-mail: jidlis@gmail.com.

Grigorii M. Kruzhkov, PhD in Philology, Translator, Professor, Russian State University of Humanities, Miuskskaia sq. 6, 125047 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-5913-4204>. E-mail: gkruzhkov@gmail.com.

Mikhail S. Makeev, Doctor Hab. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gori, 1/51, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5798-6892>. E-mail: mmakeev@icloud.com.

Natalia K. Polosina, PhD in Philology, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-6165-888X>. E-mail: NETalie@yandex.ru.

Anna V. Shvets, PhD in Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-2511>. E-mail: ananke2009@mail.ru.

For citation: Astvatsaturov, Andrey; Balditsyn, Pavel; Zenkin, Sergei; Zubov, Artem; Idlis, Julia; Kruzhkov, Georgii; Makeev, Mikhail; Polosina, Natalia; Shvets, Anna. “Verbal Art & TD: Tatiana Venediktova Anniversary.” *Literature of the Americas*, no. 14 (2023): 420–442. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-420-442>.

Мы подготовили небольшой дружеский «симпозион» к юбилею Т.Д. Венедиктовой — доктора филологических наук, профессора, одного из ведущих отечественных американистов, основателя и заведующего кафедрой общей теории словесности на филологическом факультете Московского университета. Мы публикуем отклики коллег, друзей и учеников об опыте работы и общения с Татьяной Дмитриевной и отдельно — как своего рода двойное юбилейное приношение — предлагаем обсуждение ее книги ««Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США», увидевшей свет ровно двадцать лет назад. Как читается книга сегодня, насколько ее идеи востребованы? Мы верим, что продолжение разговора, начатого, по признанию автора, «в культурной среде, менявшейся стремительно, ошеломляюще и противоречиво», — настоящий подарок Татьяне Дмитриевне и с человеческой, и с профессиональной точек зрения.

Размышления А.А. Аствацатурова и С.Н. Зенкина, составляющие первую часть юбилейного блока статей, позволяют увидеть «сравнительное разговороведение», предложенное Татьяной Дмитриевной в 2003 г., в качестве методологической перспективы. А.А. Аствацатуров рассматривает книгу как важный этап в рамках антропологического поворота в литературоведении, поворота к реципиенту: «В центре внимания — фигура воспринимающего, моделирование автором своего читателя, заключенный с ним коммуникативный пакт, построенный на принципах иногда свободной игры, а иногда рискованных манипуляций». С.Н. Зенкин определяет «диалектический жест», осуществляемый книгой, как продукт бурных интеллектуальных дискуссий 1990-х. Этот жест предполагает интерес к описанию форм общения как транслингвистических феноменов: «[x]удожественные <...> произведения можно изучать наравне с нехудожественным материалом, например описывая на их основе специфическую форму языкового общения, сложившуюся в Соединенных Штатах XIX века, — “дискурс торга”». Так герменевтическое прочтение обогащается прагматико-ориентированным анализом поведения читателя и писателя: «филологическое, понимающее чтение текстов соединяется с социокультурным анализом коммуникации, которая в них “отражается” и в которую они сами включены».

Во второй части юбилейного блока статей собраны дружеские отклики — переводчика англоязычной поэзии Г.М. Кружкова, американиста П.В. Балдицына, историка русской литературы М.С. Макеева, сценаристки и журналистки Ю.Б. Идлис. Здесь мы найдем свидетельства о работе Татьяны Дмитриевны на границах разных национальных литератур и разных медиа (текста и кино). В воспоминаниях Татьяна Дмитриевна выступает как инициатор, организатор, деятельный участник многих проектов: Летних школ по гуманитарным наукам, конференций, академических изданий американских поэтов, томов «Истории литературы США». Как замечает М.С. Макеев — и с чем, пожалуй, мог бы согласиться каждый из нас — бесконечно ценно для интеллектуального сообщества «великолепное умение» юбиляра «ориентироваться в современной международной интеллектуальной индустрии, постоянно генерирующей идеи и концепции, и выбирать из растущего ассортимента “studies” и “criticisms” по-настоящему значимые и ценные <...> и создавать собственные проекты, оригинальные концепции в диалоге с современным миром идей». Не менее важна способность оценить практический потенциал идей, их прикладные перспективы, что показывает очерк Юлии Идлис. Вслед за ней мы бы также повторили, что главное, чему мы научились у Татьяны Дмитриевны, — это «свобода мышления»: «Думать и делать выводы можно о чем угодно. Для научной мысли нет и не может быть никаких запретов и ограничений — ее сдерживает только наш собственный конформизм, косность и отсутствие любопытства к миру».

А.А. Зубов, Н.К. Полосина, А.В. Швеиц

Татьяна Дмитриевна Венедиктова: на пути к социологической поэтике

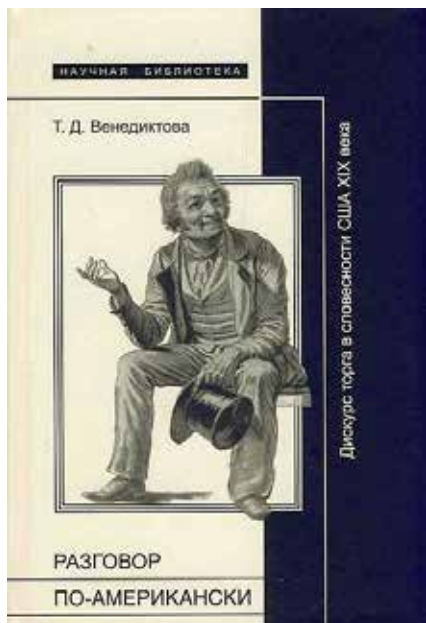
Татьяна Дмитриевна Венедиктова — ученый необыкновенно динамичный, прошедший к своему юбилею крайне интересный путь и сменивший несколько научных парадигм. В этом можно легко убедиться, сопоставив ее первую монографию «Поэзия Уолта Уитмена» (1982) и главу о том же Уитмене, которую она написала для «Истории литературы США» (том 4), подготовленной в ИМЛИ. И там и тут глубокое понимание историко-литературных процессов. И там и тут превосходный разбор загадочной, почти иероглифической речи Уитмена. Но во втором случае расставлены уже совершенно иные

акценты, предъявлены иные горизонты, иная оптика. Эту готовность обновляться, научно самоперевоспитываться, заново себя обретать Т.Д. Венедиктова внятно обозначила в предуведомлении к своей книге ««Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США» (2003), оговорившись, что ее самоперевоспитание носило не сентиментальный, а чисто профессиональный характер¹. То есть изменения, коснулись лишь интеллекта и не затронули чувств. Пожалуй, это редкий случай, когда я рискну не согласиться с Т.Д. Венедиктовой. Интеллектуальный поворот почти всегда неразрывно связан с изменением в общем строе личности, с обострением чувств (в данном случае — к эстетической реальности), с усилением внутренней чуткости к определенным явлениям, которые прежде казались тусклыми и периферийными.

Татьяна Дмитриевна Венедиктова начала свой научный путь, как и многие ученые ее поколения, в русле идей московско-ленинградской филологической школы, ориентируясь на несколько размытые временем традиции историко-литературного подхода, в то же время, как показывают ее первые статьи, уточняя его идеями “cultural studies”. В этих самых первых ее работах есть все, что отличает истинного филолога: понимание историко-культурных процессов, сверхточное прочтение текстов, стремление вторгнуться в наиболее проблемные зоны интерпретации. Но здесь уже зримо присутствует линия, которая впоследствии позволит Т.Д. Венедиктовой совершить научный скачок — желание разобраться в невидимых истоках эстетического опыта, проникнуть в самый инстинкт художественного высказывания.

Утвердив свой статус авторитетного филолога-американиста, Т.Д. Венедиктова в конце 1990-х неожиданно идет на риск, ставя перед собой цель радикально перевоспитать себя и переформатировать свое научное знание. Результатом этого рискованного жеста становится ее книга ««Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США», вышедшая двадцать лет назад. Книга оказывается поворотной в ее жизни, означающей, что пути назад к привычному историко-литературному нарративу больше не будет, что прежняя оптика, прежние методологические установки навсегда для нее остались в прошлом. «Разговор...», в самом деле, стал первым важным шагом на пути разработки принципов социологической поэтики, которые

¹ Венедиктова Т.Д. «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 5.

Венедиктова Т.Д. «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

впоследствии Т.Д. Венедиктова столь впечатляюще обоснует в своей другой, относительно недавней монографии «Литература как опыт, или “Буржуазный читатель” как культурный герой» (2018).

«Разговор...» Т.Д. Венедиктовой предлагает разговор о «разговоре», новое прочтение ключевых для истории американской литературы фигур: Франклина, Крокетта, Барнума, Готорна, По, Мелвилла, Твена, Торо, Ирвинга и Хоуэлса. В сущности, мы имеем дело с рискованной попыткой заново пересобрать Америку. Культурологи и антропологи многократно предупреждали, что всякий, кто осмелится приблизиться к Америке, физически или интеллектуально, уподобится Колумбу, и его неизбежной задачей станет переоткрытие, пересобирание Америки. Жиль Делез, апеллируя к авторитету Уитмена, говорил об Америке как о лоскутном одеяле, нагромождении фрагментов, из которых удален общий принцип их собирания, общий знаменатель, общий контекст, и о том, что этот принцип собирания отдан на откуп собирателю². В данном случае таким собирателем становится Т.Д. Венедиктова. Ее позиция методологически отчасти близка Мишелю Фуко с его «историями». Т.Д. Венедиктова выстраивает определенную силовую линию, организующую, по ее мнению, метаморфозы американского духа и вместе с ними движение американской беллетристики. В результате происходит переоткрытие классических текстов, обнаружение их инстинкта и одновременно свойств, которые прежде не замечались или игнорировались. Существенно и то, что незримо присутствует в этой книге,

² Делез Ж. Критика и клиника / пер. с франц. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002. С. 83–84.

что ее организует и что осталось за скобками, а именно взгляд сквозь призму современности на прошлое, вернее на то состояние, в котором мировая культура пребывала двадцать лет назад. «Разговор...» обнаруживает связь времен, с одной стороны, раскрывая современную оптику с ее зарождавшейся блогосферой, с демократизацией «разговора» и литературы, с отчужденными друг от друга и от самих себя субъектами разговора, а с другой — выстраивая генеалогию этой современной оптики.

Дискурс торга, та силовая линия, которая обнаруживается Т.Д. Венедиктовой, потребовал особой методологической установки — социологической, в ее прагматическом аспекте, то есть опосредованной принципами рецептивной поэтики, которые разрабатывались Ж. Женеттом, Р. Бартом, В. Изером, Х.-Р. Яуссом, С. Фишем и многими другими. В центре внимания — фигура воспринимающего, моделирование автором своего читателя, заключенный с ним коммуникативный пакт, построенный на принципах иногда свободной игры, а иногда рискованных манипуляций. «Сравнительное разговороведение», которое предлагает Т.Д. Венедиктова, преподносит нам американское национальное самосознание в терминах именно разговора, точнее, дискурса торга. Здесь существенно, что беллетристика отражает национальное в той же степени, в какой его производит.

Европейское определяется Т.Д. Венедиктовой как «традиционное», предполагающее властные инстанции, социально иерархизированные классовые общества и особый вид разговора — салонного, где беседуют избранные. В новом типе культуры, американском, отсутствуют сословные иерархии, деление на избранных и толпу. Здесь о себе громко заявляет средний американец, «новый Журден», янки, человек фронта, не связанный традициями и классовыми стереотипами³. «Высокий» стиль беседы, отчасти культивируемый американской культурной элитой, опосредуется демократическим типом разговора, который оказывается необыкновенно продуктивным. Демократическая беседа американских индивидов, вечно лиминальных, внестатусных, социально подвижных, лишена контекста, случайна, сиюминутна, эпизодична. Присущую доверительному разговору интимность здесь сменяет игра, состязательность, желание произвести впечатление, театральность⁴. Смыслы в американском

³ Венедиктова Т.Д. «Разговор по-американски». С. 22–23.

⁴ Там же. С. 24–33.

разговоре ускользают, уступая место чистой риторике, нагромождению абстракций. В «Разговоре по-американски» Т.Д. Венедиктова замечает необязательность окончательного консенсуса и аттестует этот тип беседы как «приключение с открытым концом».

Разбирая типично американские жанры, такие как небылица, реклама, розыгрыш, автор «Разговора...» приближается к осмыслению феномена неоднозначности, неопределенности высказывания, в том числе и художественного. И здесь она обращается к главным фигурам американской культуры XVIII и XIX вв. Бенджамин Франклин в своей «Автобиографии» театрално конструирует свой образ. Он прибегает к особому, в духе «американского разговора», способу морализаторства, избегая обозначать непреложность окончательного смысла и сохраняя неопределенность высказывания. Он не предписывает, как это делали европейские моралисты, а скорее «соблазняет» читателя, которому тем самым открывается свобода, возможность обратиться к самому себе и сформировать вместе с независимым суждением собственное «я». Дэвид Крокетт, герой фронта и «ритор для масс» — мастер небылиц и преувеличений. И особой игры, в которой читатель распознает преувеличенность, но оказывается неспособен распознать ее меру. Ф.Т. Барнум, «гений саморекламы» и «король надувал» — великий фабрикант лжи и одновременно разоблачений, в которых он приглашает почтеннейшую публику поучаствовать, предлагая ей выступить с экспертным мнением.

Разбирая «республику писем», Т.Д. Венедиктова предлагает ничуть не менее проницательный анализ текстов Готорна, По, Мелвилла и Твена. Натаниэл Готорн, в ее понимании, осуществляет стратегию «ухода от себя», оригинальным образом конструируя несовпадение знака и смысла. Э.А. По выглядит записным «надувалой», предъявляющим читателю взаимоисключающие возможности прочтения его текстов, творящий загадки, розыгрыши и их неперменное разоблачение. Герман Мелвилл в «Моби Дике» заставляет героя и вместе с ним читателя отвергнуть ускользающий абсолютный смысл в пользу бесконечного воспроизведения смыслов относительных, ограниченных человеческой точкой зрения. Наконец, Марк Твен затевает состязательную игру с двойственностью восприятия явлений и лиц.

Метод, предложенный Т.Д. Венедиктовой, работает безупречно, позволяя нам приблизиться к текстам и обнаружить их скрытые механизмы. С.Н. Зенкин в своей давней рецензии на книгу все же проблематизировал границы анализа, предложенного в «Разгово-

ре...», заметив, что дискурсу торга не подчиняются театр, любовь и эротика, и также безвозмездный дар-жертва⁵. К этому перечню я бы добавил еще и мистический опыт. Впрочем, видимо, даже в данных зонах вполне возможны торг, игра, семантическая неопределенность, расхождение формы и содержания.

Научные труды имеют свойство устаревать, сходиться на нет, поглощаться последующим знанием. Однако «Разговор по-американски» даже сейчас, спустя двадцать лет, выглядит книгой неожиданно современной, актуальной, свежей, подтверждающей высокую научную репутацию Т.Д. Венедиктовой.

А.А. Аствацатуров

«Разговор по-американски» двадцать лет спустя

«Разговор по-американски» Татьяны Венедиктовой начинается с точных пространственно-временных координат: «Работа над книгой сильно растянулась во времени — от первого проблеска замысла (во время стажировки в Нью-Хейвене в 1990 г.) до окончательной точки (в Москве в 2003 г.)»⁶. Сегодня, с двадцатилетней дистанции, эта книга видится очень показательным продуктом эпохи 90-х годов. Возобновившиеся тогда широкие связи российской (поначалу еще советской) науки с западными институциями, сделавшиеся доступными встречи с коллегами и поездки за границу дали нашему поколению небывалый шанс — отбросив идеологическую изоляцию советского времени, привести свою работу в соответствие с современным состоянием мировой науки. «Привести в соответствие» не значило просто догонять эту науку или подражать ей — скорее, речь шла о том, чтобы завязать с нею равноправный интеллектуальный обмен, используя достижения собственной научной традиции, где вообще-то было что почерпнуть. Позднее, в 2000-е и 2010-е гг., в международном научном обмене стала, пожалуй, преобладать иная установка — на односторонний импорт в Россию западной теории (особенно самых модных трендов) и на экспорт российского эмпирического материала для его осмысления в научных столицах (согласно концепции «провинциальной науки», изложенной в знаменитой статье Михаила Соколова

⁵ *Зенкин С.Н.* По ту сторону торга // Синий Диван. Журнал. № 5. М.: Издательство «Три квадрата». С. 210–211.

⁶ *Венедиктова Т.Д.* «Разговор по-американски». С. 5.

и Кирилла Титаева). По-видимому, дело тут в смене поколений: после 2000 г. на российскую научную арену стали все больше выходить молодые исследователи, выучившиеся в европейских и американских университетах и ощущавшие себя представителями скорее западной академической традиции; для них задача двустороннего межкультурного диалога была не столь актуальной. Напротив, для Татьяны Венедиктовой, получившей образование и институциональное положение еще в Советском Союзе, это был мощный интеллектуальный вызов — следовало переизобрести себя, реформатировать свою работу в мировом контексте, не отказываясь от собственного опыта и собственного культурного контекста. Этот проект всегда вызывал у меня искреннее сочувствие; с некоторыми биографическими поправками могу сказать, что и свою научную карьеру я строил в тех же координатах, в той же уникальной обстановке 90-х годов.

Иностранный (американский) контекст, в который встраивалась русский филолог Венедиктова, определялся прежде всего доминированием новой дисциплины или междисциплинарного поля под названием “cultural studies”. В России в те годы тоже бурно развивалась «культурология», но сходство названий не должно обманывать — речь шла о совсем разных подходах, и вот как раз в зазоре между ними открывалась возможность для оригинального методологического эксперимента. Чтобы его осуществить, требовалось сделать два шага: во-первых, выйти за узко филологические рамки в сторону теории культуры и культурной коммуникации, задаться вопросом не только о том, «что значит текст», но и о том, «что он делает» (как это сформулировал Стенли Фиш); во-вторых, признать — в духе своеобразно переосмысленного «реализма», — что художественный текст содержит в себе знание о языковой коммуникации, по-своему исследует богатство вербальной культуры и, в частности, языковой прагматики (такую функцию познавательно-языкового мимесиса выделял в литературе Кристофер Прендергаст, а позднее Рита Фелски). Художественные, даже классические произведения можно изучать наравне с нехудожественным материалом, например описывая на их основе специфическую форму языкового общения, сложившуюся в Соединенных Штатах XIX в., — «дискурс торга». В его исследовании филологическое, понимающее чтение текстов соединяется с социокультурным анализом коммуникации, которая в них «отражается» и в которую они сами включены.

И все же теоретической базой «Разговора по-американски» стали не только американские *cultural studies* (в книге не так уж много ссылок на общие работы по теории коммуникации), но и русская «культурология» в лице мыслителя, который как раз в те годы был окончательно канонизирован в нашей стране, чьи идеи стали едва ли не общепринятой научной доксой, — Михаила Бахтина. Его имя не раз упоминается в тексте книги, начиная с эпиграфа, к нему явно или неявно отсылают заключительные сопоставления американской и русской словесности, а общие размышления об устройстве диалога, об изучении речи как ориентированных друг на друга высказываний, довольно заметно опираются на транслингвистику Бахтина — Волошинова.

Опираются — но и отталкиваются от нее: собственно, это один и тот же диалектический жест. «Торговый» диалог, определяемый Татьяной Венедиктовой, отличается от бахтинского: его реплики не проникают глубоко одна в другую, образуя двуголосое слово наподобие несобственно-прямой речи, а резко противопоставлены друг другу, подобно самим его «торгующимся» партнерам; как выразился бы Витгенштейн, это другая языковая игра. И хотя два диалога, две прагматических ситуации сближаются своим вневластным характером, невозможностью «апеллировать к авторитету высшей, “трансцендентной” инстанции»⁷, но развиваются они по-разному. Диалогическая речь в бахтинском понимании в принципе бесконечна, такой полемический или же дружественный «разговор» может стабильно длиться без всякого завершения; торговый же дискурс по определению стремится к завершению, к заключению сделки (или отказу от нее). На горизонте этого дискурса маячат «товары» и «услуги», вещи и поступки — то есть инородные, уже не словесные факторы, которыми и определяется его прагматика. А они, в свою очередь, включены в различные формы социального обмена — не только рыночно-экономического, но и дарственного. Последняя форма лишь вскользь затронута в книге Венедиктовой при анализе рассказа Генри Торо о неудачном обмене белого с индейцем, зато потом получила развернутую интерпретацию у ее бывшей аспирантки Александры Ураковой, чья докторская диссертация об «опасных дарах» в американской литературе того же периода, защищенная в Москве, пока издана лишь по-английски⁸. Вообще перспектива действительно-материального, а не

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Urakova, Alexandra. *Dangerous Giving in Nineteenth-Century American Literature*. London: Palgrave Macmillan, 2022.

только словесного обмена, с которым взаимодействует «дискурс торга» (и другие формы языковой коммуникации), до сих пор остается еще малоизученным и многообещающим полем для исследования литературы. Это поле интересно именно своей неоднородностью, заставляющей мыслить и сам литературный текст как неоднородное знаковое образование, не только наделенное сложными значениями, но и пронизанное силовыми линиями субъективных интенций и внеязыковых, социальных отношений между людьми.

«Разговор по-американски» — по-прежнему стимулирующая книга для теоретика, размышляющего о динамике литературного дискурса, об обмене слов на дела и наоборот. Предложенное в ней оригинальное направление филологических исследований отражает исключительную историческую ситуацию, позволявшую ученому опираться двумя ногами сразу на разные академические традиции; намеченный ею путь открыт для продолжения.

Сергей Зенкин

Сказки и прятки

Начало моего знакомства с Т.Д. Венедиктовой было совершенно сказочное. В году примерно 1990-м я увидел на прилавке и сразу купил книгу на английском языке *Fairy Tales by American Writers*, изданную «Радугой». Составителем значилась Татьяна Дмитриевна Венедиктова. Это был сборник сказок четырех авторов. Первый из них — Л.Ф. Баум, автор «Волшебника из страны Оз», был у нас уже знаменит, другие были мне неизвестны, но двое из этих авторов мне очень понравились. А понравиться переводчику — это значит стать его немедленной (или медленной) жертвой. «Сказка о Белой Лани» Джеймса Тербера с первого же абзаца подкупила меня своим звуком, своей особой интонацией:

Если вы отправитесь бродить наугад и напропалую в один из тех апрельских дней, когда дым, вместо того чтобы идти вверх, стелется по земле, далекие звуки кажутся близкими, а близкие — далекими, вы почти наверняка дойдете до Заколдованного леса, лежащего между Долиной лунных скал и Горой кентавров. Вы узнаете его издали по особому аромату, который, вдохнув, уже невозможно забыть, хотя и нелегко припомнить. И вы услышите звук дальнего колокольчика, который заставляет мальчишек, смеясь, припуститься бегом, а девочек — вздрогнуть и замереть на месте...

«Белая Лань» — сказка пародийная, причудливая и смешная. Взять хотя бы придворного лекаря, который, заболев, лечил себя сам и на этом заработал раздвоение личности: с одной стороны, он оставался невозмутим и терпелив, как доктор, а с другой — непрерывно стонал и жаловался:

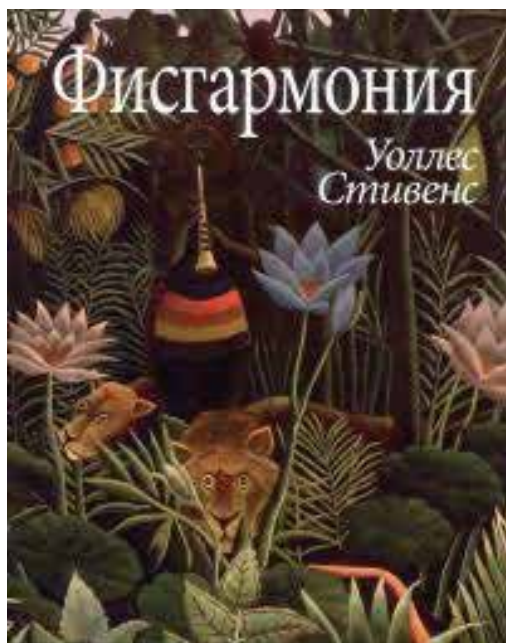
Мне уже не подняться, нет!
 Ничего, потерпи немного. Розы еще вернутся на эти щеки.
 Нет, они никогда не вернутся!
 Вернутся, куда они денутся.

«Страна Рутабага» Карла Сэндберга тоже пошла в дело. Это вещь, написанная в стиле, я бы сказал, свободных рассказней со всякой небывальщиной. Я выбрал оттуда с десятков сказок, добавил к анархизму автора свой собственный, соединил их в некую цепочку, и так получились мои «Рутабагские истории».

Так что для моей сказочно-детской грядки (есть в моем огороде такая) эта книга оказалась таким же благодеянием, как изданная Ниной Михайловной Демуровой за двенадцать лет до того антология *Topsy-Turvy World* («Мир вверх тормашками», 1978), открывшая мне

мир английского нонсенса.

В 2001 г., проведя несколько лет в США и получив докторскую степень от Колумбийского университета, я вступил на преподавательскую стезю и стал вести семинары по английской и американской поэзии в РГГУ. Вот тогда я серьезнее познакомился с Татьяной Дмитриевной, которая к этому времени была, вероятно, главным в Москве авторитетом

Стивенс У. Фистгармония.
 М.: Наука, 2017.

по американской поэзии. Особенно мне запомнилась наша поездка в Дартмут на конференцию по переводу американской поэзии, организованную Львом Лосевым, выдающимся русским поэтом и, по совместительству, профессором тамошнего университета.

Вскоре после этого у меня возникла мысль издать в серии «Литературные памятники» очень важную для американской поэзии книгу стихов Уоллеса Стивенса «Фисгармония» (1923). Идея мне самому показалась дерзкой, потому что Стивенса в России знали еще очень мало и поэт он, даже для американцев, весьма темный и трудный. Но Андрей Николаевич Горбунов поддержал мою идею, и заявка легко прошла редколлегию «Памятников». Вопросов о том, кто бы мог написать статью о Уоллесе Стивенсе, не возникало: только Татьяна Дмитриевна Венедиктовна. Она сделала это не сразу и, помнится, я теребил ее, как щенок, которому не терпится на прогулку. Я тогда не понимал, что сразу большую и вескую статью (как это принято в «Литературных памятниках») о таком сложном, загадочном поэте как Стивенс не сочинишь, требуется время, чтобы все сложилось и выстроилось в голове. Зато Татьяна Дмитриевна ввела в нашу команду свою талантливую аспирантку Аню Швец, в содружестве с которой мы составили комментарий к стихам: Аня работала в университетской библиотеке в Америке, где она проходила стажировку, и посылала мне плоды своих изысканий, а я соединял эти теоретические соображения со своими переводческими интуициями.

Наконец статья была готова. Изложенное в ней понимание поэзии Стивенса оказалось так близко моему, что я мог бы подписаться под любой фразой. Например, о важности игры для Стивенса — это, наверное, первое, что мы ощущаем в его стихах. Игра во всем — в темах, в интонации, в подборе слов, которые, кажется, играют в прятки со своими значениями, праздная свобода от всяких обязательств. Это свойство поэзии Стивенса сразу отсекает тех читателей, которым такое не близко — то есть «серьезных, серьезных, серьезных» (как говорится в стихотворении Шарля Кро о сушеной селедке). Но таких, увы, большинство.

В этом солидном господине в неизменном темном костюме уживались ребенок и самобытный философ, живущий в эпоху крушения старых мифов и пытающийся построить для себя новую систему ориентиров в мире. Устарели не столько мифы, сколько старый способ верить. «Высшая выдумка» Стивенса — это такая выдумка, «вымышленную природу которой ты сознаешь, но веришь в нее, потому что

она придает осмысленность миру», потому что она отвечает чему-то глубоко укорененному в твоей природе. Рефлексия, сомнения, самоирония — неперенные атрибуты такой веры.

Разумеется, в поэтической религии Стивенса нет загробной жизни и личного бессмертия. Наоборот, согласно его чеканной формуле «смерть — мать красоты». Прекрасно только то, что хрупко и обречено гибели.

Г.М. Кружков, Т.Д. Венедиктова, преподаватели и студенты филологического факультета МГУ на презентации русского издания «Фисгармонии» У. Стивенса. 8 декабря 2017 г.

Эти мысли, на которых Т.Д. Венедиктова делает акцент в своей статье, совершенно созвучны моим. И наоборот: по тому, как много автор приводит цитат из Уоллеса Стивенса в моем переводе, ни разу не прибегнув к помощи английского оригинала и подстрочника, я догадываюсь, что и ей близко мое понимание поэта, мои интерпретации его стихов. И я глубоко благодарен Татьяне Дмитриевне за это *со-понимание* — одну из самых верных и чистых радостей, которыми одаривает нас поэзия.

Из поэмы У. Стивенса «К определению Высшей Выдумки»

Стихотворенье обновляет жизнь
И на мгновение возобновляет
В нас веру в непорочное начало

И бессознательно нас отсылает
К такому ж непорочному концу.

Мы снова обретаем чистоту,
Мы ощущаем воодушевленье
От этой мысли, бьющейся нам в сердце,
Подобно свежей, обновленной крови, —

Восторг, волненье, радостную силу.
Стихотворенье возвращает миру
Его утраченную первозданность.

Г.М. Кружков

Слово благодарности

Мне всегда приятно думать и вспоминать о Тане, или теперь приличнее сказать — о Татьяне Дмитриевне Венедиктовой.

Так получилось, что она помогла мне защитить обе моих диссертации — и кандидатскую, и докторскую. Помогла тем, что дважды давала отзывы о них. Первый раз это был внешний отзыв. Оппонентами я пригласил двух ведущих американистов, которые хоть что-то писали о Джоне Чивере. А внешний отзыв я решил получить на самой авторитетной кафедре зарубежной литературы — на филологическом факультете МГУ. Я даже и не помню, чья подпись была под отзывом, а написала его Таня Венедиктова. Она сама только что защитила кандидатскую диссертацию, так что, возможно, это был ее первый отзыв, хотя не берусь это утверждать. Признаюсь, отзыв был хвалебный, и Таня добавила еще устные комплименты.

Мы регулярно встречались на ежегодных конференциях американистов. В 70-е и 80-е годы они собирали весь цвет нашего научного цеха. Помню, какое хорошее впечатление на меня и других коллег в ИМЛИ произвела ее небольшая, но содержательная книга о поэзии Уолта Уитмена. Так что через несколько лет, когда возникла необходимость заказывать главы о поэзии конца XIX в. в «Историю литературы США», созданием которой заняты были уже сильно поредевшие тогда имлийцы-американисты, даже не было мысли искать иного автора — только Татьяна Венедиктова. И она написала очень хорошие главы — о поэзии в целом, об Уитмене и Дикинсон. Причем, глава об Уитмене была не простым повторением ее прежних работ, а новым шагом в изучении главного поэта Америки. Как ответственный редактор тома я с удовольствием читал и редактировал ее главы,

да и делать это было несложно, как сказал поэт: «вот стихи, и все понятно, все на русском языке».

Когда наконец-то я собрался защищать докторскую диссертацию о Марке Твене, обратился снова к Татьяне, она-то уже была доктором наук и профессором. Татьяна Дмитриевна выступила на кафедре факультета журналистики МГУ, где я работал, и ее слово было самым весомым и авторитетным. Да и потом, когда я пришел на кафедру зарубежной литературы филологического факультета МГУ и тамошние коллеги в своей неизменной манере устроили мне своего рода выволочку, говоря — нет такой научной проблемы, как национальный характер литературы, и зачем сравнивать русскую и американскую литературы... Всех претензий я уж и не упомню. Пройдя это чистилище, я было подумал пойти в другой совет для защиты. И тут, буквально на следующий день, позвонила Таня и убедила меня вернуться, сославшись на просьбу тогдашнего заведующего кафедрой Г.К. Косикова. Однако, думаю, она сделала это и по своей склонности к желанию и деланию добра людям. Я послушал ее совета, и защита моей докторской прошла замечательно.

Впоследствии, будучи членом диссертационного совета на этой кафедре, всегда был рад видеть ее обаятельное и внимательное лицо, слышать ее умные и аргументированные выступления на заседаниях. К сожалению, встречаемся мы сейчас редко, но, пользуясь юбилеем, рад высказать свою признань и уважение к Татьяне Дмитриевне.

П.В. Балдицын

О Татьяне Венедиктовой несколько слов

Татьяна Венедиктова пригласила меня организовывать и вести совместно Летнюю школу американистики, имевшую тогда название «Нация как наррация» (“Nation as Narration”), а перед ней — в течение семестра — семинар для участников, посвященный той же проблематике. Сами эти семинары и летние посиделки с американскими и российскими профессорами я до сих пор считаю важной вехой в моем становлении как ученого и преподавателя. Свойственная этим «школам» напряженная и одновременно радостная атмосфера интеллектуального общения, обмена мыслями, коллективной работы над научными проблемами и сейчас представляется мне чем-то экстраординарным, далеко не часто встречающейся на отечественных

научно-педагогических мероприятиях. Творцом этой атмосферы была Татьяна Венедиктова. С самых первых часов знакомства и сотрудничества у меня возникло огромное уважение к ней и восхищение перед ней, которые не проходят и сейчас. Мне несложно объяснить, чем они вызваны.

В первую очередь, я восхищался (и восхищаюсь ныне) ее постоянным интересом к тому, что нового происходит в нашей и смежных дисциплинах. Сразу бросилось в глаза великолепное умение Татьяны ориентироваться в современной международной интеллектуальной индустрии, постоянно генерирующей идеи и концепции, и выбирать из растущего ассортимента “studies” и “criticisms” по-настоящему значимые и ценные. И желание не складировать эти продукты, их каталогизировать и классифицировать, но создавать собственные проекты, оригинальные концепции в диалоге с современным миром идей. В этом смысле для меня Татьяна — образец «современного ученого» в самом точном и продуктивном смысле этого слова, то есть исследователь открытой современности, «идущий в ногу со временем», чьи научные работы производят впечатление не только высокого профессионализма, глубины и оригинальности, но и того, что можно метафорически назвать «свежестью».

Во-вторых, поразила (и продолжает поражать) ее созидательная энергия, способность *создавать* — институции, семинары, конференции. Мне кажется, в основе этого какая-то фундаментальная потребность «делиться», «разделять» накопленное (опыт, идеи, знания) и вера в коллегиальный, коллективный характер науки, идеалистическое и очень мне симпатичное представление о науке как прежде всего «собрании», «симпозиуме», сообществе ученых, исследователей, объединенных любовью к знанию и истине. Именно поэтому начинания Татьяны никогда не бывают «мертворожденными». Они живут и действуют, привлекая участников уже не одного и не двух поколений, и дают плоды.

Актуальность, современность мышления, доброжелательность, интерес к Другому, сочувствие к чужой мысли, в том числе только рождающейся, только заявляющей свои права на существование, по моим наблюдениям, и составляют и секрет успеха Татьяны Венедиктовой как преподавателя, любимого студентами учителя. То, что ее место именно в Университете, что ее призвание — преподавание, что передо мной учитель *par excellence*, я понял очень быстро, видя лица

студентов и аспирантов, слушающих, вступающих с ней в диалог, спор, радующий и обогащающий и учеников, и учителя.

М.С. Макеев

Филология без границ. К юбилею Татьяны Дмитриевны Венедиктовой

В 1998 г. я поступила на филфак МГУ в полной уверенности, что филолог — это человек, которого ничего, кроме книг, не интересует. В 2006 г. я защитила кандидатскую диссертацию — формально по филологии, но на самом деле предметом моих исследований было то, что мы с моей научной руководительницей Татьяной Дмитриевной Венедиктовой определили как «трансмедийность».

Сейчас этой самой трансмедийностью, ее теорией и практикой не занимается только ленивый. А тогда, в начале 2000-х, это было новое слово в науке — во всяком случае, русскоязычной. И для того чтобы вписать его в автореферат диссертации по филологии, требовалась определенная исследовательская смелость.

За эту смелость и за открытость новому, не слишком характерную для академической науки, я благодарна Татьяне Дмитриевне до сих пор — и как исследователь, и (позже) как человек, не боящийся менять профессии и пробовать новые для себя области. И (ныне) как преподаватель сценарного мастерства в консорциуме европейских киношкол.

С первых же курсов Татьяна Дмитриевна Венедиктова — «Веня», как называл ее весь поток, — стала одной из наших любимых преподавательниц. Она покорила нас тем, что легко сочетала несочетаемое: научное мышление, блестящую эрудицию — и юмор, яркость и современный стиль во всем, от общения со студентами и коллегами до одежды. Глядя на нее, я и многие мои однокурсники поняли, что в академической филологии все-таки есть жизнь, и после выпуска поступили в аспирантуру.

Тема моей будущей диссертации для филологов звучала диковато. Я изучала категорию автора в экранизациях литературных произведений — на материале сценариев британского драматурга и будущего нобелевского лауреата Гарольда Пинтера. Формально я была в своем праве: сценарии Пинтера опубликованы и могли считаться таким же объектом филологического исследования, как и любой классический текст. Но на филфаке, узнав, чем я занимаюсь,

многие пренебрежительно морщились и говорили, что «все это какая-то культурология».

Татьяна Дмитриевна приняла мою тему, с которой на филфаке никто особо не знал, что делать, и мое желание заниматься всем сразу: литературой, кино и театром. Кафедры общей теории словесности, которую она создала и возглавила, тогда еще не было, — она появилась лишь через год, в 2004-м, собрав всех, кто так или иначе не вписывался в привычные рамки филологических исследований.

Кстати сказать, среди нас — тогдашних аспирантов и преподавателей МГУ — эта кафедра называлась и до сих пор называется «кафедрой дискурса». Слово «дискурс» вошло в наш студенческий обиход с легкой руки Татьяны Дмитриевны, которая повторяла его буквально на каждой лекции. Сейчас-то уже понятно, что это ее последовательная научная позиция: уже в начале 2000-х Венедиктова была одним из ведущих русскоязычных специалистов по теории дискурса. Но тогда никто из нас, второкурсников, об этом не думал, и нам просто нравилось, что «дискурсом» было все: песни русского рока, рекламные объявления, комиксы, видеоигры и, конечно же, киносценарии. Так что «дискурс» надолго стал для нас синонимом современного, крутого и интересного.

Для меня это было важным расширением самой области филологического знания. До знакомства и совместной работы с Татьяной Дмитриевной филология представлялась мне наукой со строго очерченными границами — таким закрытым множеством, куда ничто современное априори не попадает. Венедиктова же считала, что для современного филолога объект изучения — не столько текст как нечто зафиксированное на каком бы то ни было носителе, сколько сама ситуация диалога, коммуникация между «автором» и тем, кого мы с ней придумали обозвать «воспринимающим субъектом», потому что в трансмедийном диалоге участвует не только читатель, но и зритель, и слушатель, и игрок, и потребитель, и много кто еще.

Сейчас, читая лекции по сторителлингу для кинематографистов из разных стран, я учу их принимать во внимание эту ситуацию диалога в собственном творчестве и вижу, как от этого их фильмы становятся глубже и интереснее.

Вообще удивительно, как многое из того, на что Венедиктова обратила мое внимание как исследователя, оказалось важным и ценным и за пределами академической науки. Психология восприятия, которую я по ее совету изучала для диссертации, до сих пор помогает

мне в собственной сценарной работе. А «трансмедийность», которую она предложила мне в качестве рамочного термина для моей работы на стыке текста и аудиовизуального произведения, с тех пор стала общим местом в искусстве и даже в той же науке — хотя тогда на филфаке все удивлялись, почему это я в диссертации по филологии цитирую фильмы и рассказываю о компьютерной игре Doom.

Но главное, чему я (хочется думать) научилась у Татьяны Дмитриевны, — это свобода мышления. Думать и делать выводы можно о чем угодно. Для научной мысли нет и не может быть никаких запретов и ограничений — ее сдерживает только наш собственный конформизм, косность и отсутствие любопытства к миру.

А если вдруг для того, что было бы интересно исследовать, нет названия, — то, значит, самое время это название изобрести.

Юлия Идлис

© 2023

А.А. Аствацатуров

П.В. Балдицын

С.Н. Зенкин

А.А. Зубов

Ю.Б. Идлис

Г.М. Кружков

М.С. Макеев

Н.К. Полосина

А.В. Швец

Дата поступления в редакцию: 10.05.2023

Дата одобрения рецензентами: 25.05.2023

Дата публикации: 25.06.2023

© 2023

Andrey A. Astvatsaturov

Pavel V. Balditsyn

Julia B. Idlis

Grigorii M. Kruzhhkov

Mikhail C. Makeev

Natalia K. Polosina

Anna V. Shvets

Sergei N. Zenkin

Artem A. Zubov

Received: 10 May 2023

Approved after reviewing: 25 May 2023

Date of publication: 25 Jun. 2023